

Михаил Давидович Альбрехт
(Мищенко-Атэ)

МЕЖДУ АТЛАНТИДОЙ И РОССИЕЙ

СУДЬБА ИНЖЕНЕРА-ПУТЕЙЦА
И НАСЛЕДИЕ ЛИТЕРАТОРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Издательский Дом ЯСК
Москва
2025

УДК 781+78(091)(430)

ББК 85.31+85.313(3)

А 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке

ЗАО «НФБК Капитал»,

Акционерное общество «Независимая Финансовая Брокерская Компания»

Научный редактор:

Михаэль фон Альбрехт

Составители:

Михаэль фон Альбрехт, Е. С. Фёдорова, В. А. Альбрехт

Альбрехт Михаил Давидович (Мищенко-Атэ)

А 56 Между Атлантидой и Россией. Судьба инженера-путейца и наследие литератора Серебряного века / Науч. ред. Михаэль фон Альбрехт; лит. ред. Е. С. Фёдорова; сост.: Михаэль фон Альбрехт, Е. С. Фёдорова, В. А. Альбрехт. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2025. — 568 с. — *Вклейте после с. 16, 64, 112.*

ISBN 978-5-907498-80-8

Михаил Давидович Альбрехт (1880–1920), старший брат композитора Георга фон Альбрехта (1891–1976) и дядя выдающегося филолога-классика Михаэля фон Альбрехта. Инженер-путеец, М. Д. Альбрехт хорошо знал жизнь в России, особенности и чаяния разных сословий. Обладая острым умом, склонный к тонкому анализу, владея и неким даром предвидения, о котором свидетельствует Г. ф. Альбрехт, М. Д. Альбрехт выработал оригинальное мировоззрение и нашёл для его выражения литературные формы, став самобытным писателем под псевдонимом Мищенко-Атэ. Его творчество забыто. Издание представляет пьесы М. Д. Альбрехта. По словам его племянника М. ф. Альбрехта остросатирическая социальная комедия «Развал» — «всепроникающая критика общества», не падающая никого, персонажи — карикатуры, «война против самообмана распространяется и на собственную личность» писателя. Психологическая драма «День испытания» «посвящена высокой теме поисков природы прекрасного, ваятелю не удаётся сотворить богиню... Путём самопознания человек может превратить поражение в победу». В философской драме-сказке «Три победителя» античность является «катализатором и способом освобождения автора от страстей современности» — эта драма должна была составить 1-ю часть трилогии. Недавно обнаруженная проза «Светильник истины, или Третий победитель» оказалась 2-й её частью и включена в издание. Особый раздел составляет ритмическая проза М. Д. Альбрехта, где «мы находим гамму самых различных оттенков: от обыденной простоты повседневной речи до библейской торжественности». Издание адресовано литературоведам, культурологам, театроведам и всем читателям, интересующимся наследием Серебряного века.

УДК 781+78(091)(430)

ББК 85.31+85.313(3)

В оформлении переплёта использованы

фото Михаила Давидовича Альбрехта, 1917 г.

и фото Михаэля фон Альбрехта из личного архива, 1998 г.

ISBN 978-5-907498-80-8

9 785907 498808 >

© Михаэль фон Альбрехт, вступит. статья, составление, комментарии, научная редакция, 2025

© Е. С. Фёдорова, вступит. статьи к разделам, комментарии, составление, литературная редакция, 2025

© В. А. Альбрехт, биография, составление, вклейки, 2025

© Издательский Дом ЯСК, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаэль фон Альбрехт. Неизвестный драматург</i>	
и поэт Серебряного века.	5
<i>Е. С. Фёдорова. «Я — страдающий разум».</i>	14
<i>В. А. Альбрехт. Михаил Давидович Альбрехт</i>	
(биография)	47

I ДРАМАТУРГИЯ

РАЗВАЛ. Комедия в четырёх действиях и пяти картинах ...	123
ДЕНЬ ИСПЫТАНИЯ. Драма в четырёх действиях	199
ТРИ ПОБЕДИТЕЛЯ. Сказка	279
<i>Е. С. Фёдорова. Вступительные пояснения</i>	325
СВЕТИЛЬНИК ИСТИНЫ, ИЛИ ТРЕТИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ..	327

II РИТМИЧЕСКАЯ ПРОЗА

КНИГА СЧАСТЬЯ

СОЛНЦУ	385
ПРАВДА.	387
ПРОПОВЕДЬ ДОЛГА	388
УБИЙСТВО	389
ЗИМА	391
НА ЖЕЛЕЗНОМ ПУТИ	392
ЛУКАВЫЙ.	393
APPASIONATA.	394
ХОЧУ.	396
НИЧТО.	397

УТРО	398
НОЧЬ	399
ПИСЬМО	400
ДОЖДЬ	401
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ	402
БОГ МИЛОСЕРДИЯ	403
СВОБОДА	404
СМЕРТЬ	405

МИНИАТЮРЫ ИЗ АРХИВА МИХАЭЛЯ ФОН АЛЬБРЕХТА

НЕ ПОСЛЕДНИЙ	406
СОН	422
[Какой пошлый вздор, что Гений и злодейство — две вещи несовместные]	425
О ТАЙНЕ	427
ЖЕНЩИНА	428
ЗАПОВЕДИ	429
АПОЛОГИЯ	430
ПРИЗРАКИ	431
[Как странно...]	432
[ИТОГИ]	440
ОНА УМЕРЛА	443
ИМЕНИНЫ	445
[22-го сентября]	447
[Глубокоуважаемый Николай Константинович]	451
[Дорогая мама]	454

III ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

ГДЕ ТЫ? [ПЛОВЕЦ И РУСАЛКА]	459
Указатель имён	462
Список сокращений	469

Михаэль фон Альбрехт

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРАМАТУРГ И ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Мищенко-Атэ, Михаил Давидович (фон) Альбрехт, родился 25 августа (ст. ст.) 1880 года в Тифлисе (ныне Тбилиси). Он был четвёртым из восьми детей. Его отец, Давид Иванович, математик, внук немецкого переселенца из Ульмской области в Южной Германии, бывший тогда коллежским советником и служивший преподавателем в тифлисской гимназии, вскоре, в 1884 году, был произведён в статские советники, таким образом получив потомственное дворянство, позже служил инспектором Казанского и Санкт-Петербургского университетов и получил чин тайного советника, а в 1912 году ушёл в отставку. Под руководством отца сын рано увлёкся литературным чтением; мать, Варвара Михайловна, пианистка, открыла ему мир классической и романтической музыки и заложила в нём любовь к театру и опере. Фамилия матери, Мищенко, впоследствии будет служить писателю литературным псевдонимом. Отец Варвары Михайловны, Михаил Митрофанович, был полковником и долгое время воевал в Центральной Азии, а мать происходила из рода Домонтовичей.

В Санкт-Петербурге, где Давид Иванович жил с 1892 года, Михаил учился в классической (8-й) гимназии. Тогда там ещё преподавали оба классических языка — и он сдал выпускной экзамен с золотой медалью. Как и его старшие

братья, он получил высшее образование в Петербурге и стал инженером путей сообщения. По роду своей деятельности он имел возможность побывать во многих местах — от Донбасса до Урала — и познакомиться с жизнью России того времени. В последние годы жизни он занимал высокий пост в Ведомстве путей сообщения и видное положение в Петербурге. Уже в молодости он стал встречаться и с петербургскими писателями. После революции его жена Ванда, которой посвящена драма «Три победителя», незадолго до гибели мужа с тремя детьми выехала к себе на родину, в Польшу. О судьбе же самого Михаила Альбрехта его брат Георгий¹ позже рассказывал так: «Когда генерал Юденич, приближаясь к Петербургу со стороны Финляндии, осаждал столицу, к Михаилу явился незнакомец с вопросом, готов ли он, в случае победы, передать подчинённые ему железные дороги белым и стать министром путей сообщения? Михаил обещал. Однако мнимый посредник оказался провокатором: после отступления Юденича от Петрограда Михаила сразу арестовали. В тюрьме навещать его никому не разрешалось. Позже мы слышали, что узников отвезли в Ригу, чтобы передать их англичанам. Когда те не выплатили ожидаемого выкупа, большевики инсценировали “попытку бегства” и расстреляли арестованных»².

Рано проявился драматический талант Михаила. По рассказам брата Георгия и сестры Марии, он устраивал представления в детской, читая стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и даже монологи короля Лира и Гамлета из драм

¹ Георгий Давидович Альбрехт (1891–1976), композитор, впоследствии Георг фон Альбрехт, оказавшийся после революционных событий в Германии, в эмиграции.

² Неопубликованная запись Георга фон Альбрехта (из архива М. фон Альбрехта). Многие из сочинений Мищенко-Атэ опубликованы Михаэлем фон Альбрехтом в двухтомном издании: *Miscenko-Ate M. D. Ein Neuentdecker russischer Dichter des Silbernen Zeitalters / Urtextausgabe und Erstübersetzung von H. Hammer, herausgegeben von M. von Albrecht. Frankfurt: P. Lang. 1 (1987); 2 (1988).*

Шекспира. Он предпочитал трагические, таинственные сюжеты и необыкновенные события³. Особенно глубоко он сочувствовал историческим и литературным героям, потерпевшим поражение: Гектору, Ганнибалу и Наполеону «Ста дней». Тема победы⁴ проходит красной нитью через его произведения, начиная с драмы «Три победителя» и «День испытания» (пьесу о статуе Победы и о превращении поражения в нравственную победу) вплоть до завещания «Не последний», памятника великим «побеждённым» всемирной истории: Каину и Люциферу⁵.

Михаил Давидович был уверен, что искусство рождается именно в потомстве Каина («Не последний», наст. изд.,

³ Альбрехт Г. фон (Альбрехт Г. Д.). Между Востоком и Западом: От народной песни к додекафонии. Воспоминания музыканта / Науч. ред. М. фон Альбрехт; сост. М. фон Альбрехт, Е. С. Фёдорова, В. А. Альбрехт. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. С. 43. (Далее — *Альбрехт Г. фон. Между Востоком и Западом...*)

⁴ В Серебряном веке тема победы неоднократно обсуждалась в связи с трагичным взглядом на жизнь, см.: Венгеров С. Победители или побеждённые? О модернизме (1910); эта же тема, в ряду других, значимых для истории русской литературы, поднимается Витторио Страдой в исследовании: *Strada V. Storia della letteratura russa*. Т. III. В. 1. Torino: Einaudi, 1989. С. 25.

⁵ «Каин» Байрона был переведён Буниным (его же перевод «Гайаваты» Лонгфелло — 1897 г. — читался в семье Альбрехт, см.: *Альбрехт Г. фон. Между Востоком и Западом...* С. 56); и по строгости вкуса Мищенко ближе Бунину, чем символистам. Михаил сочувствовал библейскому персонажу Каину, так как он сам в реальной жизни одно время ненавидел брата Павла, ревнуя к нему любимую девушку, считая при этом, по Евангелию (Матф. 5, 22), ненависть убийством; фантазия «Убийство» является первым шагом к преодолению этой ненависти. Младшая их сестра Мария писала 20 апреля 1960 года: «Миша Павлика только в 1916 г. вполне понял и оценил. Будучи проездом в Москве, где я тогда училась в университете, он мне сказал, что он теперь глубоко уважает Павла» (из архива М. фон Альбрехта).

с. 406–421)⁶. Вообще в его восприятии мира искусство занимает центральное место. Оно — путь к свободе и к развитию собственной личности. Герой «Дня испытания» — скульптор, сохраняющий свою независимость, несмотря на все наваждения справа и слева. Это — отражение самопонимания писателя (ср. «Хочу быть ваятелем слова», наст. изд., с. 396)⁷. Однако в пьесе «Развал» всепроникающая критика общества не падит и художников: живописец-дилетант Торбин и пианист Берман — карикатуры. Война против самообмана распространяется и на собственную личность. Десятилетний Мищенко-Атэ отчаянно сомневается в своём таланте. В драме «День испытания», посвящённой высокой теме поисков природы прекрасного, ваятелю не удаётся сотворить богиню. Неизменное требование правдивости заставляет творца обратиться к более скромному сюжету для создания скульптуры и, таким образом, даёт ему иную художественную свободу. Здесь выявляется одна из основных идей писателя: в тяжёлых потерях таится глубинная польза, путём самопознания человек может превратить поражение в победу.

⁶ Ср. сходные настроения среди литераторов Серебряного века: осознание «тёмной» и «демонической», разрушительной, а не только созидательной природы творчества: «Есть в напевах твоих сокровенных роковая о гибели весть» (Блок А. А. Музе). П. А. Флоренский неоднозначно оценивал человеческое стремление к творчеству: «Творчество культуры, от культа оторвавшееся, по существу — *пародийно*» («О Блоке» (1931), неопубликов. доклад. Интернет-версия: <http://www.pereplet.ru/text/florenskiy>).

⁷ Скульптор как отражение или заместитель фигуры писателя встречается и у Тургенева: в романе «Накануне» главное действующее лицо сопровождает персонаж ваятеля, причём героический характер действия подчёркивается ещё и классическими реминисценциями. Художники — герои популярных в России на рубеже XIX–XX вв. драм Ибсена и Герхарта Гауптмана: в частности, брат писателя Георгий вспоминал, что драму-сказку последнего «Потонувший колокол» играли в Петербурге; эта трагедия изображает мытарства художника («колокольного мастера»).

Поэт не готов кадить божкам черни. Путь его — путь не жреца-консерватора, не пророка-революционера, а свободного человека: быть правдивым, верным самому себе («Три победителя», «День испытания»). Драма «Развал» разворачивает мрачную картину русского общества тех времён: вопреки модной идеализации «народа-богоносца», в глазах Мищенко-Атэ русский — закоренелый атеист. У дворянства и народа нет общего языка; даже на добрые намерения интеллигентов отклика масс нет — и быть не может. Автор воздаёт должное самоотречению бескорыстных врачей («немецкого студента» в драме «Развал») и голодающих революционеров («День испытания»), но сомневается в плодотворности их стараний. Однако обличительная критика общества — лишь оборотная сторона глубокой любви автора к родине. Поскольку он сам показал в своих драмах, что политика — не дело художника, последнее роковое решение Мищенко-Атэ остаться на родине, зная, что его ждёт, отзывается сознательным, добровольным самопожертвованием.

Готовность к смерти у Мищенко-Атэ проистекает именно из обострённого ощущения жизни. В рассказе «Как странно» пределы времени преодолеваются глубоким и острым переживанием единого мгновения. Это — путеводная звезда «Египетских ночей» Пушкина, «Рыцаря Олафа» Гейне — и жизни Мищенко-Атэ.

Полушутя-полусерьёзно поэт однажды назвал своё мировоззрение «пантеистическим атеизмом» («Глубокоуважаемый Николай Константинович», наст. изд., с. 451–453), вполне сознавая, что корень *θεός* здесь употребляется в двух различных смыслах. Утрата традиционной веры — следствие скорбного сознания несправедливости устройства мира, но вместе с тем и результат философского чтения: драма «Три победителя» и «Книга счастья» представляют собою, между прочим, и оригинальный вариант влияния Ницше на русскую литературу. Однако брат писателя⁸ справедливо отмечает,

⁸ Альбрехт Г. фон. Между Востоком и Западом... С. 46.

что Михаил никогда не разделял полностью убеждений этого философа. Кроме того, на него долго влиял Эрнст Геккель. В последние годы жизни писатель, по свидетельству брата⁹, увлекался и антропософией. Но сохранившиеся произведения об этом прямо не свидетельствуют; может быть, поэт, всегда серьёзно работавший над собой, дал себе обет молчания. (Мы увидим, что и принципы его искусства запрещали ему вторить чужим словам.) Во всяком случае, его последнее письмо к матери свидетельствует о том, что он добросовестно отказывался от догматических ответов: проблема смерти и бессмертия остаётся неразрешённой. Не будучи сторонником ни одного из существующих направлений, Мищенко-Атэ в одиночку шёл собственным путём.

Принцип правдивости руководит и стилем писателя. Здесь мы находим целую гамму самых различных оттенков: от обыденной простоты повседневной речи до библейской торжественности. Встречаются и «поэтические» пассажи — например, описание снежного рождественского леса («Не последний») или краткое эссе «Аппассионата». Общим знаменателем такого богатства нюансов является неизменное стремление к предельной адекватности выражения, к «точно-русскому слову», в соответствии с пушкинским принципом «точности» и «библейской похабности»¹⁰. В миниатюре «О тайне» (наст. изд., с. 427) речь идёт о живом слове поэта. В отличие от слов повседневной жизни, «бледных и лживых, как блудные девы», в отличие и от чистой, но пустоватой «словомузыки», поэтическое слово должно быть «обручено с мыслью и волей, с телом и кровью горячей. — Верно, просто и целомудренно, как жена». Не случайно этот эпитет перекликается с первым отрывком Петрония (2, 6):

⁹ Альбрехт Г. фон. Между Востоком и Западом... С. 46.

¹⁰ То есть отсутствие прикрас. См.: *Albrecht M. von. Zu Puschkins künstlerischer Formung der russischen Sprache und ihrer antiken Grundlage // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland / Ausg. E. Ch. Welskopf. 6. Berlin, 1982. S. 459–515.*

grandis et ut ita dicam pudica oratio non est maculosa nec turgida, sed naturali pulchritudine exsurgit («Величавая и, так сказать, целомудренная речь лишена пятен и высокопарности, возвышается естественной своей красотой»). Языковое «целомудрие» — находка Петрония, сюжеты которого отнюдь не целомудренны, но речь которого отличается мопассановской прозрачностью. Строгие стилистические критерии латинской и пушкинской прозы способствуют освобождению Мищенко-Атэ от символизма и переходу к акмеизму и новому русскому реализму. В этом отношении его личное развитие соответствует общему развитию русской литературы.

В том же произведении встречается ещё другая античная реминисценция («О тайне», наст. изд., с. 427): «От звука свирели в прах распадается несуществующий мир, и в зелёных кустах сверкнёт беззаботный, смеющийся Пан». Пастушеская свирель Пана представляет собою истинную музыку (соответствующую правдивому, живому слову), обличая всё ничтожество фальшивого, призрачного мира. В отличие от картины Волошиной «Великий Пан учит молодого Диониса музыке»¹¹, подчёркивающей связь человека с космосом, у Мищенко Пан своей музыкой — во имя правдивости — обличает нереальность «мира», построенного на ложных словах. На первый план для писателя выходит «разорение» лжи. Итак, наш автор уже в 1910 году — в период кризиса символизма и зарождения акмеизма — затронул одну из центральных тем XX века: неправдивость речи, лишаящая слово содержания — древнерусское слово «кривда» противоположно «правде». Умерщвление живых языков было успешно начато демагогами XX века, как на Западе, так и на Востоке использовавших средства массовой коммуникации, а сейчас усовершенствуется «торговцами» всякого рода; единственное лекарство против этого — живой язык

¹¹ Картина, написанная в эмиграции М. В. Волошиной (ур. Сабашниковой), первой женой поэта М. А. Волошина, опубликована в журнале «Hyperboreus». СПб. № 10. 2004. С. 133.

поэтов. Как филологи-классики, учителя греческого и латинского, мы склонны продолжить наше рассуждение так: а что живее языка Гомера, Софокла, Вергилия, Овидия? Переводя их и соревнуясь с ними, открываем сокровища родной речи, оживляем наш язык... Но увы! В отличие от Ницше (и от брата Георгия), Мищенко не был сторонником классического образования (ср. «Развал», наст. изд., с. 162), в чём виновником был, вероятно, его учитель греческого, пресловутый педант, который неумолимо настаивал на чистоте и правильности языка¹². Но именно язык и стиль нашего автора свидетельствуют о том, что нелюбимый учитель в конечном итоге добился своего и что классическое образование и для Мищенко оказалось более полезным и плодотворным, чем он сам предполагал.

Скажем ещё несколько слов о самостоятельном и своеобразном подходе поэта к теме Атлантиды (где в Античности разворачивается действие пьесы «Три победителя»), теме, которая заслуживает более подробного исследования. В рамках этой краткой статьи ограничимся лишь намёками. У Платона главный интерес мифа заключается в изображённом в нём общественном строе. Мищенко этому подходу противопоставляет в лице «посвящённого» осуществление свободы, частной любви и личного счастья. Однако общественные вопросы отнюдь не исключаются, представлены два противоположных их решения: путь жреца — теократия — и путь пророка: обращение к страждущим массам. В конце драмы каждый из трёх героев имеет некоторое право считать себя победителем. В отличие от «Трёх разговоров» Владимира Соловьёва (принимавшего, по мнению Мищенко, желаемое за действительное), «Три победителя» дают самостоятельный и объективный анализ современной проблематики свободы и предлагают три ответа (каждый из которых спорный): это — личные ответы, не решение проблем. Античная установка способствует объективности анализа.

¹² Альбрехт Г. фон. Между Востоком и Западом... С. 54.

Таким образом, и эта (на первый взгляд «символическая») драма не проповедует «исцеления», а основана на чутком диагнозе общественной ситуации накануне Первой мировой войны. В сочетании проницательного анализа с редкой объективностью подхода заключается оригинальность этой драмы. Античность здесь играет двойную роль, то есть является неким катализатором и способом внутреннего освобождения автора от страстей современности (в художественном отношении большая историческая дистанция по отношению к описанным событиям позволяет автору достигать максимально объективного к ним подхода). А в области стиля самобытный словомузыкальный дар автора, проявившийся в пьесе «Развал» (см. ниже статью Е. С. Фёдоровой), именно здесь достигает новой ступени развития, приобретая почти пластические качества — в соответствии с принципами «целомудренной речи» Петрония.

Рукописям Михаила Давидовича предстояла долгая одиссея. После его смерти (1920 год) сестры Нина и Маруся вывезли их в Африку. В 1943 году эти бумаги, попав в Штутгарт (Германия), чудом пережили американский налёт (в деревянном доме, сгоревшем дотла). Таким образом, оказалось возможным предложить русскому читателю почти неизвестного автора Серебряного века, внёсшего свой личный вклад в развитие различных литературных жанров, таких как драма, диалог, сказка, сновидение, поэтическая миниатюра.

Е. С. Фёдорова

«Я – СТРАДАЮЩИЙ РАЗУМ»

«Забытая книга»¹, «неизвестный писатель» — словосочетания, примелькавшиеся ныне в современной литературной жизни, ставшие заголовками циклов литературных публикаций, конференций в последнее тридцатилетие, пришедшееся на рубеж XX и XXI веков. Тогда вновь активно открывавшиеся, переставшие быть запретными архивы Серебряного века стали отвечать жадному интересу к этой эпохе, интересу, прочно существовавшему, и вовсе не только в узколитературной среде. Интерес к великой культурной эпохе и поныне не угасает, но, казалось бы, теперь всё исследовано, опубликовано, откомментировано, сложно представить, чтобы сейчас в историю русской литературы могло войти совсем новое имя. Между тем это так. Мищенко-Атэ — абсолютно никому не известный автор в полном смысле этого слова, не «малоизвестный», не «известный лишь узкому кругу специалистов», а именно возникший из «литературного небытия» и из «ниоткуда» новый, оригинальный писатель.

Впрочем, наследие Михаила Давидовича Альбрехта наверняка так и осталось бы похороненным в нескольких публикациях начала 1910-х, если бы не усилия его племянника,

¹ «Забытая книга» — серия 33-х публикаций, изданных московским издательством «Художественная литература» в 1989–1993 годах.

Михаэля фон Альбрехта, крупного филолога, профессора Гейдельбергского университета (Германия). Изданные почти двадцать лет назад сочинения Мищенко-Атэ (с русским и параллельным немецким текстом) и по сей день остаются единственным современным изданием этого автора².

Специалисты Российской государственной библиотеки провели поиск книг Михаила Давидовича (включающий крупные библиотеки разных городов России, университетские библиотеки), и оказалось, что только две библиотеки — Национальная государственная библиотека Петербурга им. Салтыкова-Щедрина и Российская государственная библиотека в Москве (РГБ, бывш. «Ленинка») — хранят две книжки его сочинений, изданные «Сириусом» в 1910 и 1911 годах³. Псевдоним писателя — Мищенко-Атэ (первая часть — фамилия матери, вторая — обозначение первой и последней букв его подлинной фамилии Альбрехт)⁴. Под фамилией Альбрехт в двух названных библиотеках нашлась ещё одна книжечка, написанная совсем в ином жанре — в научно-прикладном, однако много сказавшая о характере и личности автора. Она представляет собой частное скрупулёзное исследование (которое, однако, за сухими техническими подсчётами содержало серьёзные выводы) состояния железных дорог, с которыми была связана основная профессиональная деятельность Михаила Давидовича, — на материале линии Пермь — Екатеринбург. Целью её был детальный анализ системы всевозможных мер, направленных на максимальную экономию государственных средств «железнодорожной трассы в горной местности в зимнее время».

² *Miščenko-Ate. Ein neu entdeckter russischer Dichter des Silbernen Zeitalters* / Hrsg. M. von Albrecht. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Peter Lang, 1987. Т. 1–2.

³ *Мищенко-Атэ. Три победителя*. СПб.: Сириус, 1910; *Мищенко-Атэ. День испытания*. СПб.: Сириус, 1911.

⁴ Мы благодарим главного библиографа РГБ Татьяну Ивановну Алякину за неоценимую помощь в поисках изданий Мищенко-Атэ в фондах российских библиотек.

Эти меры вполне возможно было осуществить на вверенном Альбрехту участке железной дороги, если применять предложенные им тщательно продуманные мелкие (именно мелкие), но необходимые усовершенствования в повседневном труде. Сильное впечатление производят ювелирно и с любовью сделанные от руки чертежи, карты и схемы, говорящие и о художественном даровании автора. А тема экономической целесообразности, удел совестливых интеллигентов, на полтора десятилетия позже сыгравшая роковую роль в судьбе таких, например, учёных, как расстрелянный экономист-аграрник А. В. Чаянов (подобно Альбрехту бывший тоже литератором⁵), не в последнюю очередь является свидетельством особой совестливости и этого автора, черты, которая явственно ощущается не только в его художественных произведениях, но и в житейских поступках.

Инженеры-путейцы — всякому, кто знаком с историей русской культуры конца XIX века, известно, что с этой новой тогда, технически высококвалифицированной профессией были связаны наиболее культурные и в большинстве своём широкообразованные интеллигенты, как правило, настоящие знатоки искусства, литературы, философии. Не один профессиональный писатель вышел из среды инженеров-путейцев, достаточно вспомнить Н. Г. Гарина-Михайловского⁶. Здесь следует обратиться к одной существенной черте

⁵ Александр Васильевич Чаянов (репрессирован в 1937 году), выдающийся учёный, предлагал разумно сочетать стихийное развитие хозяйственной жизни с государственными и общественными мероприятиями. Его изысканные фантастические повести в духе Серебряного века, полные меланхолии и мистики, на первый взгляд противоречили активной общественной позиции, энергии в достижении профессиональных интересов.

⁶ Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, автор тетралогии «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» и многих других заслуженно популярных литературных сочинений, работал инженером на строительстве крупных железных дорог, в том числе Великого Сибирского пути.

культуры того времени, быть может сильнее всего представляющей её лицо, — почти профессиональное (а иногда и полностью) владение пером, кистью, музыкальным инструментом было органической частью этой среды, частью её воспитания, что резко отличает её от современного типа российской культуры, где профессиональные цехи даже гуманитарных отраслей ныне редко взаимодействуют друг с другом. Более того, часто и в пределах одной специальности гуманитарные школы вполне могут ничего не знать друг о друге, вовсе не заботясь о том, что делается рядом. И редко так бывает, чтобы, например, художник был глубоким знатоком музыки. Что же касается конца XIX и начала XX века, с полной определённости можно утверждать, что широкая заинтересованность и воспитанные навыки восприятия всех видов культуры в среде не только художественной, но и технической интеллигенции, вообще во всех слоях общества, которые можно было бы назвать образованными или только стремящимися к образованию, оказались типологической чертой культуры Серебряного века, важной и коренной её особенностью⁷. И следует повторить, что путейцы

⁷ В связи с этим вспоминается эпизод, рассказанный Александром Николаевичем Бенуа: при посещении художественной выставки царственными особами Бенуа неодобрительно заметил полное равнодушие к живописи и неосведомлённость в ней наследника Николая Александровича (посещение выставки казалось для него повинностью) и подумал, что равнодушие к искусству Николая «в будущем не сулило, что нами будет править *настоящий* государь» (Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. С. 696). Трудно представить себе, чтобы с такими мерками ныне кому-нибудь вздумалось подходить к современным политикам. И это при том, что в начале XX века в среде интеллигенции прочно укоренилось мнение о неинтеллигентности «высшего света» (как заметил замечательный филолог Поливанов, «“высшему обществу”... в начале XX века — мы имели основание, строго говоря, отказывать в признании интеллигентности» (Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка. С. 235. [1931 г.] // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968).

и тогда среди прочих интеллигентов выделялись своей культурой. Именно в среде этого поколения родилось известное изречение: «Эстетическая глухота чаще всего оборачивается глухотой нравственной»⁸.

Весь ход развития культуры XIX века породил немало художников, которых можно, конечно с различными оговорками, назвать профессионалами, но у которых художественная деятельность вовсе не оказывалась единственной, а была ещё какая-то — и часто успешная — профессия. Не только доктор Чехов, промышленник Станиславский, но и множество людей, оставивших менее заметный след в истории культуры, тем не менее образовали целый слой, обогащавший отечественную литературу и искусство.

Литературное творчество на протяжении всего XIX века занимало исключительное место в русской культуре. В беседе по поводу своих лекций филолог Николай Иванович Либан заметил: «Литература у нас — главная часть культуры, вся интеллектуальная жизнь страны ушла в этот рубеж, в этот канал, ушла, в сущности, *по ошибке*: именно потому, что в правящих кругах эта область считалась пустяковой, не стоящей внимания, серьёзно не влияющей на жизнь — “сказками для бабушки Матрёны”, — а сказки-то оказались опасными»⁹. Да и гуманитарное образование приучало «среднестатистического», «среднекультурного» человека с детства писать, выражая свои мысли и чувства пером, создавало практически литературный навык, литературную привычку¹⁰. Как известно, весь XIX век, и особенно вторая

⁸ А ведь в конечном счёте — как думалось на склоне лет знаменитой актрисе Татьяне Окуневской, прошедшей лагеря, — «человек, лишённый культуры, рано или поздно становится носителем зла» (Окуневская Т. К. Татьянин день. М.: Вагриус, 2001. С. 287).

⁹ Фёдорова Е. С. Рецензия на: Н. И. Либан «Лекции по истории русской литературы (от Древней Руси до первой трети XIX в.)». Рукопись.

¹⁰ Это касалось как среднего, гимназического, так и высшего образования (не только филологам, например, читались курсы рус-

его половина, — счастливая пора для классического среднего образования¹¹. Несмотря на все известные издержки и недостатки образования дореволюционной поры, культурный уровень образованного человека эпохи кануна революции до сих пор остаётся недостижимым¹².

Два важнейших фактора, как кажется сформировавших своеобразие русской культуры на рубеже веков — вошедший в культурно-жизненный обиход интерес к мировой культуре (в том числе античной, «колыбели» европейской цивилизации), а также превалирующая «литературность» русской культуры начала XX века, — заставили владеть пером куда большее количество людей, чем это обычно бывает даже в периоды цветущей культуры, это был некий пик интереса к литературе, никогда позже и нигде не достигнутый. Прибавлялась всеобщая устремлённость культуры Серебряного века проживать искусство как жизнь, литературу как жизнь, разрушить границы между жизнью и искусством.

Среди различных профессий литераторов-профессионалов — моряки и военные, чиновники и учителя, например

ской и зарубежной литературы, но и, например, для юристов были обязательны трёхгодовые углублённые лекции по литературе).

¹¹ Это время, когда за спиной любого выпускника гуманитарного факультета университета было 10 лет практических занятий древними языками (пять лет латыни в гимназии, пять лет в университете — вне зависимости от специализации), а также несколько лет греческого в гимназии, обязательное для любого гимназиста знакомство с античной культурой, русской и западной литературой. И для выпускников технических факультетов — бывших учащихся классических гимназий — эта область была знакомой и, что важно, с детства привычной.

¹² Достаточно, например, упомянуть такую мелкую деталь, что латинские поговорки, выражения, юридические формулы никогда не переводились ни в одном из популярно-литературных журналов на русский язык — не из-за небрежности, а потому, что для всех носителей русской культуры того времени они были «общим местом», не нуждающимся в переводе.

учителя гимназий: Фёдор Сологуб, Иннокентий Анненский, Сергей Сергеев-Ценский — в своё время в литературе фигуры первой величины¹³. Можно было бы привести и другие имена. Тут удивить может только количество имён, но не круг профессиональных занятий названных авторов. А вот превосходное владение пером, почти профессиональное знание искусства, прекрасный вкус «дамы полусвета» Нины Серпинской, оставившей интереснейшую повесть о своей жизни и несколько литературных рассказов, — явление действительно удивляющее¹⁴. Мы выбрали имена почти наугад и первые, что пришли в голову. Важно, что это не исключения, не единичные отклонения (которые без труда и всегда можно было бы найти и в другое время, в других пространствах), а самая типичная черта литературного обихода Серебряного века. Не продолжая этот список, можно утвердительно сказать, что перед революцией всё дышало и жило литературой и литературным творчеством, что уже составилась значительный слой интеллигенции, занимавшейся тем или иным видом художественного творчества, не оставляя своей, далёкой от искусства профессии, — и это явление, конечно, значительно увеличивало поле развития искусства в российской действительности.

Далеко не всех занявшихся литературным трудом непрофессионалов позволительно назвать дилетантами в этой области, а что же касается Михаила Давидовича Альбрехта (Мищенко-Атэ), то скорее даже — коли возникла бы такая потребность (но она не возникает) — его можно было бы упрекнуть в обратном: в «набитой ремеслом руке» драматурга,

¹³ Но можно упомянуть и ныне неведомых: например, учитель женской гимназии Александр Андреевич Шкляревский, ныне воскрещённый в серии «Забытая книга», один из первых сочинителей детективов (*Шкляревский А. А. Что побудило к убийству: Рассказы следователя. Серия: Забытая книга. М.: Художественная литература, 1993*).

¹⁴ *Серпинская Н. Я. Флирт с жизнью. М.: Молодая гвардия, 2003.*